

АДАПТАЦИЯ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ПРЕДДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (CULPA IN CONTRAHENDO) В РОССИЙСКОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ, ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. Статья посвящена формированию у студентов юридических вузов теоретических и практических навыков применения гражданско-правового адаптированного иностранного института culpa in contrahendo. Развитие и закрепление указанных навыков должно складываться из последовательного и глубинного изучения рассматриваемого института, а также его апробации на семинарском занятии путем составления моделей договоров. В частности, при моделировании договора о проведении переговоров необходимо включить в его содержание следующие условия: цели проведения переговоров, задачи, направленные на исполнение заявленных целей, содержание договора, которое составляет коммерческую тайну, ответственность за нарушение коммерческой тайны, ответственность за необоснованное прерывание переговоров и порядок расчета ущерба в указанном случае, другие условия в зависимости от предмета договора.

Ключевые слова: culpa in contrahendo, негативный договорный интерес, договор о проведении переговоров, преддоговорная ответственность, субъекты предпринимательской деятельности, практико-ориентированный подход, образовательный процесс.

**Ольга Викторовна
СУШКОВА,**

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры
предпринимательского
и корпоративного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
ovsushkova@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.43.3.079-087

O. V. SUSHKOVA,

PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Business
and Corporate Law Department of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ovsushkova@mail.ru

125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya ul., 9

**ADAPTATION OF THE LEGAL INSTITUTION
OF PRE-CONTRACTUAL LIABILITY (CULPA
IN CONTRAHENDO) IN THE RUSSIAN BUSINESS LAW:
PROBLEMS OF THEORY, LAW ENFORCEMENT PRACTICE
AND THE ORGANIZATION OF EDUCATIONAL PROCESS**

Abstract. The present article is aimed at law students with theoretical and practical skills in the application of civil law adapted foreign Institute culpa in contrahendo. The development and consolidation of these skills should

ЗАКОН, ДОКТРИНА, ПРАКТИКА, ОБРАЗОВАНИЕ

© О. В. Сушкова, 2018

contribute to the consistent and deep study of considered Institute and its approbation on the seminar by drafting model agreements. In particular, in the simulation of a Treaty negotiation must include in its contents the following conditions: the purpose of negotiation, targets, aimed at compliance with the stated objectives, the content of the contract is a commercial secret, and liability for violation of trade secrets, liability for the unjustified interruption of negotiations and the calculation of damages in the case and other conditions, depending on the subject matter of the contract.

Keywords: *culpa in contrahendo, the negative contractual interest, contract negotiations, pre-contractual liability, business entities, practice-oriented approach, the educational process.*

В результате реформы гражданского законодательства об обязательственном праве¹ и адаптации некоторых иностранных институтов к правовой системе Российской Федерации в Гражданский кодекс Российской Федерации был внесен ряд новых положений. Одним из таких положений выступил п. 3 ст. 434.1 ГК РФ, который адаптировал немецкий институт *culpa in contrahendo* в качестве гражданско-правового механизма применения мер ответственности к недобросовестным лицам, необоснованно прерывающим переговоры о заключении договора.

В пункте 7.7 раздела 5 Концепции развития гражданского законодательства РФ² было особо отмечено, что необходимо «предусмотреть специальные правила о так называемой преддоговорной ответственности (*culpa in contrahendo*), ориентируясь на соответствующие правила ряда иностранных правопорядков».

Применение на практике этого института в настоящее время вызывает большой интерес, в особенности в сфере предпринимательской деятельности, которую «ведут равноправные, самостоятельные субъекты, которые производят товары, выполняют работы и оказывают услуги, вступают между собой в отношения, которые в науке предпринимательского права принято именовать горизонтальными»³. С другой стороны, правильное определение в договоре условий компенсации за недобросовестное прерывание переговоров и невозможность заключения договора — это те механизмы, которые должны освоить студенты юридических вузов и которые преподаватель должен показать в рамках проводимых им различных занятий. Ведь от того, как студент, будущий квалифицированный юрист, усвоит и практически закрепит полученные им знания, зависит эффективность сопровождения предпринимательской деятельности.

В связи с этим следует согласиться с Л. В. Андреевой, которая полагает, что «предусмотренные в гражданском законодательстве договоры не в полной мере

¹ Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

² Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

³ Российское предпринимательское право : учебник / Д. Г. Алексеева, В. К. Андреев, Л. В. Андреева [и др.] ; отв. ред. И. В. Ершова, Г. Д. Отнюкова. М. : Проспект, 2011. С. 4.

отвечают современным запросам и учитывают специфику такой динамичной, разноаспектной и гибкой сферы, как торговля. Поэтому стороны, основываясь на принципе свободы договора (ст. 421 ГК РФ), заключают большое количество непоименованных договоров»⁴.

Необходимо отметить, что основоположником немецкого института culpa in contrahendo является немецкий правовед Рудольф фон Иеринг. Термин culpa in contrahendo прочно вошел не только в современную немецкую юридическую литературу и доктрину, но и в российскую хозяйственную деятельность, и в процесс обучения. Ряд немецких правоведов выражают следующие позиции относительно института culpa in contrahendo. Например, Б. Виндшайд полагает, что рассматриваемый термин имеет отрицательную окраску и не имеет практической реализации. Кроме того, считает правовед, предложенный Р. Иерингом правовой институт не является идеальным, в том числе и для немецкой правовой доктрины⁵. Однако большинство правоведов полагают, что термин culpa in contrahendo для торговой и иной деятельности предпринимателей достаточно подходящий и удобный, в том числе и с целью привлечения к ответственности. В частности, Й. Унгер высказывает позицию о том, что «преимуществом данной концепции является ее эластичность: она соответствует конкретным условиям договора и, в зависимости от возникшей ситуации, имеет разный объем наступления юридических последствий»⁶.

Необходимо отметить, что рассматриваемый термин в практической реализации раскрывается через конструкцию негативного договорного интереса (das negative Vertragsinteresse). Такая конструкция также является предметом обсуждения в юридической литературе и практике. Содержание и сущность конструкции негативного договорного интереса могут быть отражены как во всем тексте договора, тогда он признается недействительным, так и в некоторых его условиях, что влечет за собой недействительность не всего договора, а только отдельных его условий. В связи с этим Х. Донелус полагает, что «с одной стороны, стороны договора должны исключить из него ничтожные условия, с другой — потерпевшая сторона, если она исполнила такое условие, должна подать иск о возмещении ущерба»⁷. Возникает вопрос о том, какие могут быть основания у потерпевшей стороны, чтобы требовать такой компенсации, если только указанный случай не рассматривать в соответствии с actio empti? Кроме того, если подобная возможность предусмотрена условиями такого договора, то при помощи каких экономических механизмов будет рассчитываться ущерб?

На эти вопросы пытался найти ответ немецкий правовед К. Шерл. Он полагает, что «та сторона будущего договора, которая предлагает его заключить на опреде-

⁴ Правовое регулирование торговой деятельности в России (теория и практика) : монография / отв. ред. Л. В. Андреева. М., 2014. С. 176. См. также: Андреева Л. В. Коммерческое (торговое) право : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Кнорус, 2012. С. 146, 147.

⁵ Windscheid B. (Bernhard). Lehrbuch des Pandektenrechts / B. Windscheid ; bearb. von Th. Kipp. Neunte Auflage. Frankfurt am Main : Literarische Anstalt Ritten&Loening, 1906. Bd. 2 S. 156. № 5.

⁶ Unger J. Der Kampf und die Rechtswissenschaft, in DJZ 1906 // Zeitschrift für das Privat- und Öffentliche Recht der Gegenwart 15. Bd. S. 679.

⁷ Donellus H. Commentarii iuris civilis // Opera omnia, tom. I—V. Lucae, 1763, lib. XII, cap. XX, § 4.

ленных условиях, предполагает, что акцептант, чтобы иметь возможность выполнить взятые на себя обязательства по такому договору, должен сам способствовать полному исполнению договора. Из этого следует, что в случае, если договор признают ничтожным, то и действия акцептанта также аннулируются. Правовед делает отсылку к положениям римского права и указывает, что, если для акцептанта, несмотря на то что он своими действиями подтвердил действительность договора, возник материальный ущерб, то имеет место конструкция *actio mandati contraria*⁸. Однако высказанная позиция далека от совершенства, поскольку ограничивает сферу своего воздействия только случаями, когда в предложении о заключении договора с конструкцией негативного договорного интереса предусмотрен порядок действий потерпевшей стороны при возникновении у нее материального ущерба. При этом К. Шерл предпринимает попытки защиты слабой стороны в таком договоре, когда его условия не содержат положений о действиях лица, чьи права нарушаются. Он полагает, что при отсутствии в договоре условий о возможности заявить требование о возмещении ущерба слабая сторона все равно имеет право обратиться за таким возмещением, руководствуясь принципом добросовестности.

Несмотря на позитивный взгляд немецких правоведов на рассматриваемый правовой институт, можно прийти к выводу о том, что он имеет двойственную природу, в том числе и в практике. Во многих случаях теория Р. Иеринга является проработанной и уменьшает риски добросовестной стороны и предоставляет ей возможность возместить убытки при недобросовестных действиях другой стороны договора. Вместе с тем нельзя отрицать того факта, что аргументация, приводимая Р. Иерингом в защиту института *culpa in contrahendo*, сложна и не может иметь практической реализации, поскольку условия о возмещении убытков не были заранее предусмотрены договором.

Б. Виндшайд справедливо полагает, что «каждая договаривающаяся сторона должна отстаивать те условия будущего договора, которые для нее будут иметь негативные последствия, и пытаться найти компромисс, поскольку у обеих сторон имеется позитивный интерес в заключении договора»⁹. Кроме того, немецкий правовед указывает и на то, что стороны при обсуждении компромиссных условий могут указать в содержании договора и на какие-то гарантийные обязательства как меру ответственности за негативный договорный интерес, как возможность удовлетворения возникшего материального ущерба.

Кроме того, мнение И.-Г. Теля об обоснованности привлечения к ответственности за использование условия о негативном договорном интересе в случае отзыва предложения о заключении договора в немецкой практике в настоящее время считается наиболее распространенным и определяющим действия сторон. Ученый утверждает, что «сторона, которая является инициатором отзыва предложения о заключении договора, одновременно являющаяся истцом в судебном требовании, может отозвать свой иск, но с возмещением пострадавшей стороне материальных убытков в силу принципа добросовестности»¹⁰. Таким образом,

⁸ Scheurl Ch. von. Jahrb. für Dogm. Bd. II S. 274, 276.

⁹ Windscheid B. (Bernhard). Op. cit.

¹⁰ Thöl J. H. Handelsrecht, 1. Bd. S. 362, 363.

И.-Г. Тель считает, что основополагающим фактом для применения рассматриваемого института culpa in contrahendo и привлечения к ответственности будет отказ недобросовестной стороны от заключения договора.

Поэтому можно говорить о том, что перенесенный из немецкой правовой доктрины в российскую правовую систему институт culpa in contrahendo является фундаментальным постулатом принципа добросовестности, когда добросовестность должна рассматриваться как мера ответственности за негативный договорный интерес, который повлечет за собой негативные юридические последствия для стороны договора. При этом надо отметить, что положения немецкого законодательства устанавливают гораздо более высокие стандарты ответственности, чем те, которые были установлены римским правом в части возложения ответственности за причиненный ущерб, независимо от того, имеется или отсутствует вина недобросовестной стороны.

Принятое Пленумом Верховного Суда РФ постановление от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»¹¹ (далее — Постановление № 7), которое предоставило ряд разъяснений по рассматриваемому правовому институту, является тем необходимым инструментом, который окажет влияние на формирование у студентов юридических вузов правильной позиции по порядку заключения договора, возмещению убытков в результате наличия негативного договорного интереса одной из сторон и применению принципа добросовестности в сфере предпринимательской деятельности.

Студентам, изучающим данный правовой институт, надлежит знать следующее. При заключении предпринимательского договора нужно соблюдать общий порядок заключения договора, при котором соблюдение таких его этапов, как надлежащее проведение переговоров и установление в договоре преддоговорной ответственности, является необходимым аспектом для минимизации рисков сторон договора (субъектов предпринимательской деятельности).

Для соблюдения указанного порядка заключения договора студентам необходимо не только понимать общую концепцию рассматриваемого института преддоговорной ответственности, ее правовое обоснование, сделанное в том числе и немецкими правоведами, но и положения судебной практики. Так, Верховный Суд РФ в Постановлении № 7 уделит вопросу ответственности за недобросовестное ведение переговоров три пункта: п. 19 — регулирование ответственности за недобросовестное поведение при проведении переговоров и распределение бремени доказывания; п. 20 — определение размера возмещения убытков; п. 21 — предоставление стороной неполной или недостоверной информации либо умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны были быть доведены до контрагента.

Итак, каким образом происходит на практике регулирование ответственности за недобросовестное поведение стороны при проведении переговоров? Верховный Суд РФ в п. 19 Постановления № 7 указал, что к отношениям, связанным с причинением вреда недобросовестным поведением при проведении переговоров, применяются нормы гл. 59 «Обязательства вследствие причинения вреда»

¹¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

ГК РФ. А положения ст. 434.1 ГК РФ содержат лишь исключения из общих правил и, по сути, лишь частный случай деликтной ответственности.

Например, Десятый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 19 сентября 2017 г. № 10АП-7521/2017 по делу № А41-90214/16¹² оставил в силе решение Арбитражного суда Московской области и посчитал иск о взыскании убытков за недобросовестное ведение переговоров в виде упущенной выгоды удовлетворенным правомерно, поскольку факт внезапного и неоправданного прекращения ответчиком переговоров о заключении договора при указанных в требовании обстоятельствах, при которых каждая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать, подтверждается материалами дела. При этом истец как потерпевшая сторона и добросовестный участник переговоров в сжатые сроки выполнил все зависящие от него подготовительные мероприятия по предоставлению склада в аренду.

В обоснование указанного судебного акта легли следующие обстоятельства. В частности, в ходе согласования всех существенных условий сделки ответчик проводил юридический и финансовый анализ документации, направлял запросы на необходимые документы, согласовывал основные и детальные условия сделки по всем существенным коммерческим и техническим условиям, неоднократно переносил и назначал новые даты ее заключения, чем позиционировал себя в глазах истца как имеющий твердые намерения вступить с ним в договорные отношения.

Все это указывает на то, что при применении рассматриваемой конструкции в предпринимательской деятельности нужно четко исходить из следующей рекомендации. На начальной стадии переговоров с потенциальным контрагентом необходимо заключить договор о проведении переговоров, в котором четко указать цели, задачи, предмет, а также иные условия, которые стороны будут считать для себя важными при обсуждении содержания будущего договора. Кроме того, в текст договора о проведении переговоров надлежит включать условие о том, что вся полученная сторонами информация является коммерческой и в случае ее разглашения недобросовестной стороной потерпевшая сторона имеет право обратиться в суд с соответствующим требованием. Безусловно, в такой договор необходимо также включать и условия об ответственности той стороны, которая недобросовестно и неоправданно прерывает переговоры, поскольку по общему правилу добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагается, пока не доказано иное (п. 5 ст. 10 ГК РФ).

Если рассматривать предлагаемую договорную конструкцию в системе договоров, то их можно отнести к организационным договорам. Как верно полагает Л. В. Андреева, «ключевым элементом содержания данных договоров является организация (согласование, координация) совместной деятельности сторон по различным вопросам в сфере торговли. Как правило, они направлены на форми-

¹² Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 29 ноября 2017 г. № Ф05-16349/2017 данное постановление оставлено без изменения.

рование долгосрочных отношений участников торгового оборота, общих условий и предпосылок их договорного сотрудничества»¹³.

Следующий момент, на котором следует сконцентрировать внимание студентов при рассмотрении института culpa in contrahendo и его влияния на предпринимательский оборот, — это размер возмещения убытков. Так, законодатель в п. 3 ст. 434.1 ГК РФ указал на обязанность стороны, которая недобросовестно ведет или прерывает переговоры о заключении договора, возместить другой стороне причиненные этим убытки. При этом в абз. 2 указанной нормы уточнено, что речь идет о расходах, которые связаны с ведением переговоров о заключении договора и с утратой возможности заключить договор с третьим лицом. Верховный Суд РФ в п. 20 Постановления № 7 при разъяснении порядка применения института преддоговорной ответственности в практике дела ссылку не только на ст. 15 и п. 2 ст. 393 ГК РФ, но и на п. 1 ст. 1064 ГК РФ о полном возмещении вреда, который причинен имуществу юридического лица (институт culpa in contrahendo можно применять только к отношениям между субъектами предпринимательской деятельности. — *Прим. О. С.*).

В частности, Девятый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 7 августа 2017 г. № 09АП-31514/2017-ГК по делу № А40-215409/2016¹⁴ оставил без изменения решение Арбитражного суда г. Москвы, который удовлетворил иск о взыскании неосновательного обогащения по договору об осуществлении технологического присоединения, поскольку материалами дела было установлено, что ответчик неосновательно, в отсутствие установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований, сберег за счет истца денежные средства.

Как следует из судебного акта суда апелляционной инстанции, убытки возникли в связи с расторжением договора, несмотря на то что он должен был быть заключен в обязательном порядке. Кроме того, как указано в постановлении суда, спорные затраты понесены были истцом в интересах ответчика для исполнения его заявки на технологическое присоединение, а неизбежность затрат для сетевой организации обусловлена публично-правовым характером правоотношений по технологическому присоединению. В связи с этим суд пришел к выводу, что ответчик неосновательно, в отсутствие установленных законом, иными правовыми актами или сделкой, сберег за счет истца денежные средства в заявленном размере.

Проанализированная судебная практика дает основания утверждать, что студенты, разбирая рассматриваемый правовой институт, должны понимать, что, заключая договор о проведении переговоров, необходимо предусматривать не только ранее рекомендованные условия, но и в случае, если будущий договор будет иметь публично-правовой аспект, также ответственность недобросовестной стороны при ее неосновательном отказе от обязательного заключения договора.

¹³ Предпринимательское право. Правовое сопровождение бизнеса : учебник для магистров / Р. Н. Аганина, В. К. Андреев, Л. В. Андреева [и др.] / отв. ред. И. В. Ершова. М. : Проспект, 2017. С. 500.

¹⁴ Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Дата доступа 18.01.2018. Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 04 декабря 2017 г. № Ф05-16652/2017 данное постановление оставлено без изменения.

Следует рассмотреть еще одно основание, которое дает возможность добросовестному участнику переговорного процесса применить меры ответственности к недобросовестной стороне по основаниям, предусмотренным в пп. 1 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ. В указанной норме законодатель предусмотрел ситуацию, когда сторона переговоров предоставила неполную или недостоверную информацию либо умолчала об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны были быть доведены до сведения другой стороны. Однако возникает вопрос: какие производить действия, если договор уже заключен? Законодатель и судебная практика предлагают различные варианты разрешения данной ситуации. Проанализируем их. В силу п. 7 ст. 434.1 ГК РФ указанные правила «применяются независимо от того, был ли заключен сторонами договор по результатам переговоров». То есть даже если стороны заключили договор, а потом одна из них узнала, что ее контрагент в ходе переговоров предоставил недостоверную информацию, то она может потребовать возмещения убытков, сославшись на п. 3 ст. 434.1 ГК РФ. Однако Верховный Суд РФ имеет иной взгляд на положения законодательства. В пункте 21 Постановления № 7 указано, что в ситуациях, когда сторона предоставила неполную (недостоверную) информацию либо умолчала об обстоятельствах, другая сторона вправе: либо потребовать признать сделку недействительной и возместить вызванные такой недействительностью убытки (ст. 178 или 179 ГК РФ), либо использовать способы защиты, которые специально предусмотрены для случаев нарушения отдельных видов обязательств (ст. 495, 732, 804, 944 ГК РФ).

Потерпевшая сторона может требовать возмещения убытков по п. 3 ст. 434.1 ГК РФ только в одном случае — «если действия контрагента по предоставлению неполной или недостоверной информации послужили основанием для отказа стороны от заключения договора» (абз. 2 п. 21 Постановления № 7). Причем об «умолчании» Верховный Суд РФ ничего не сказал. Можно предположить, что сторона не вправе привлечь контрагента к преддоговорной ответственности, если тот умолчал об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны были быть доведены до сведения этой стороны, и это стало основанием для отказа от заключения договора.

Все это указывает на то, что в целях избежания спорной ситуации и обращения в суд при составлении договора о проведении переговоров необходимо учесть именно те рекомендации Верховного Суда РФ, которые приводятся в п. 21 Постановления № 7.

В результате проведенного исследования гражданско-правового института *culpa in contrahendo* и его реализации в предпринимательской деятельности, в том числе путем всестороннего изучения в процессе преподавания дисциплин гражданско-правового цикла в юридическом вузе, можно прийти к следующим выводам, носящим рекомендательный характер для улучшения образовательного процесса. С целью повышения эффективности применения рассматриваемого института в предпринимательской сфере студенты при его изучении должны четко понимать его правовую природу не только с точки зрения существующего гражданского законодательства, но и с позиций римского и немецкого права. Кроме того, студенты должны также понимать сущность терминологических характеристик рассматриваемого правового института и порядок их реализации в пред-

принимательской деятельности, а также в судебной практике. В связи с этим на лекциях преподавателю желательно не только разъяснять положения ст. 434.1 ГК РФ с точки зрения гражданского законодательства РФ, но и приводить примеры из немецкой доктрины и поднимать те дискуссионные вопросы, которые в настоящее время в Германии все еще остаются открытыми.

При закреплении рассматриваемого правового института на семинарских занятиях в целях реализации практико-ориентированного подхода при изучении материала следует давать студентам задания не только на анализ арбитражной практики, но и на моделирование договоров и мер ответственности, которые были предметом рассмотрения того или иного судебного органа. Все эти образовательные инструменты помогут сформировать у студента, будущего выпускника юридического вуза, такие компетенции, которые позволят ему эффективно реализовывать полученные знания для сопровождения предпринимательской деятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Андреева Л. В.* Коммерческое (торговое) право : учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Кнорус, 2012. — 320 с.
2. Правовое регулирование торговой деятельности в России (теория и практика) : монография / отв. ред. Л. В. Андреева. — М., 2014. — 304 с.
3. Предпринимательское право. Правовое сопровождение бизнеса : учебник для магистров / Р. Н. Аганина, В. К. Андреев, Л. В. Андреева [и др.] ; отв. ред. И. В. Ершова. — М. : Проспект, 2017. — 848 с.
4. Российское предпринимательское право : учебник / Д. Г. Алексеева, В. К. Андреев, Л. В. Андреева [и др.] ; отв. ред. И. В. Ершова, Г. Д. Отнюкова. — М. : Проспект, 2011. — 1072 с.
5. *Donellus H.* Commentarii iuris civilis // Opera omnia, tom. I—V. Lucae, 1763, lib. XII, cap. XX, § 4.
6. *Scheurl Ch. von.* Jahrb. für Dogm. Bd. II.
7. *Thöl J. H.* Handelsrecht, 1. Bd.
8. *Unger J.* Der Kampf und die Rechtswissenschaft, in DJZ 1906 // Zeitschrift für das Privat- und Öffentliche Recht der Gegenwart 15. Bd.
9. *Windscheid B. (Bernhard).* Lehrbuch des Pandektenrechts / B. Windscheid ; bearb. von Th. Kipp. — Neunte Auflage. — Frankfurt am Main : Literarische Anstalt Ritten&Loening, 1906. — Bd. 2. — № 5.